

АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Исторические корни основных проблем частеречной теории, ее пресловутой «неразрешимости», лежат гораздо глубже, чем это могло бы кому-то показаться. Это не только и не столько борьба различных направлений, сколько отражение порой в самом неожиданном ракурсе всей истории человеческой мысли – и политической, и религиозной, и эстетической, и философской, и филологической, и лингвистической. Это – и отражение самого человеческого «я», познающего действительность при помощи своего языка и познающего язык через призму явлений и понятий окружающей действительности. Нет сомнения, что истоки частеречной проблематики и корни многих ее кажущихся непреодолимыми противоречий следует искать в античности.

И. М. Тронский называет четыре этапа становления и развития античного учения о частях речи: 1) период до-грамматический, когда языковые единицы, вошедшие впоследствии в состав частей речи, были выделяемы исследователями в не-грамматическом контексте; 2) создание грамматической системы элементов предложения на базе логического учения стоиков; 3) введение морфологических критериев и борьба направлений вокруг системы частей речи; 4) канонизация восьмичленной «александрийской» классификации [Тронский 1941, 23].

Теория частей речи и грамматика в современном смысле этого слова в немалой степени обязаны своим появлением самообоснованию диалектического мышления в древнегреческой философии – прежде всего у Платона и Аристотеля [Paul 1978, 187]. Разнородность терминов, относящихся к теории частей речи в современных теориях, может быть объяснена самыми непохожими задачами, которые ставили перед собою философы различных античных, прежде всего, древнегреческих школ, в объяснении феноменов своего родного языка (ср. [Auroux 1988, 58]), а также нечеткостью их терминологии (ср. [Cherubim 1976, 118]). Платон концентрировал свое внимание на структуре предложений как движущих сил логических аргументов, Аристотель ставил перед собою задачу классификации и определения основных терминов описательных наук вообще, для стоиков центральной частью их философских исследований было изучение языка, включающего грамматику, этимологию и риторику; александрийские филологи (литературные критики) рассматривали грамматику прежде всего как инструмент, необходимый для оценки литературного произ

ведения и установления точных текстов ранних авторов [Robins 1966, 6]. Даже отдельные части речи связаны с определенными задачами научного поиска – и философского (логического), и поэтологического: „«Имя» и «глагол» оформились на базе логических исследований; происхождения «союза» и «члена» следует искать в запросах теории стиля, реторики. «Сжатость» и «пространность» стиля, аффективная значимость «союзной» и «бессоюзной» речи, речь, «нанизанная» и «закругленная», способы придания ясности изложению – весь этот цикл проблем, входивший в состав риторической теории, привлекал внимание к употреблению частиц и к их функции в различных речевых стилях“ [Тронский 1941, 35].

То, что мы сейчас называем частями речи, Платон рассматривал как части логического суждения: „Потребности логического учения о субъекте и предикате заставили Платона обратить внимание на противопоставление имени и глагола“ [Тронский 1957, 308]. Платон отождествлял эти части речи не только и не столько с логическими категориями человеческого сознания как субъект и предикат, но и с явлениями внеязыковой действительности – с действиями и их носителями.

Значение Аристотеля Стагирита в формировании частеречной теории разными исследователями оценивается по-разному. Однако нет сомнения, что Аристотель – величайший ученый, не основавший, но предвосхитивший как появление языкознания ([Cherubim 1976, 119]), так и теории частей речи. Для последней непреходящее значение имеют все три принципа аристотелевской логики: она появилась и развивалась на фоне этих принципов классической логики, которым на протяжении более чем двадцати веков не было никакой альтернативы. Части речи как части речевой субстанции не могли не отвечать требованиям первой аксиомы – быть идентичными самим себе. Согласно третьему принципу употребление одной части речи предполагает неупотребление другой и наоборот, что для всей частеречной проблематики имеет важное системное значение, имплицитно различение и выделение с последующей классификацией самих частей речи. Вторая аксиома имеет в большей степени терминологическое значение: в частеречной терминологии один и тот же денотат называется нередко разными терминами, что свидетельствует о различных подходах к данному феномену со стороны разных исследователей. Данное положение может быть проиллюстрировано даже употреблением самого термина «части речи»: сам Аристотель успешно не употреблял ни термина «элементы речи», ни «части речи»: в 20-й главе *Поэтики* он перечисляет «части словесного изложения» и „... на рав

ных правах называет «элемент» (т. е. отдельный звук), слог, союз, член, имя, глагол, «падеж» (т. е. форму имени или глагола, отличную от сходной), «речь» (законченное высказывание, любой величины – предложения до «Илиады»). В этом перечислении уже выделены некоторые основные категории, на которых будет построено учение о частях речи, но они еще не осознаны как лексико-грамматические единицы, как классы слов“ [Тронский 1957, 307].

Аристотелевская логика, грамматика и онтология были всегда неразрывно связаны между собой, так что структуры мира, языка и знания рассматривались как некое единство. Аристотель был первым ученым в истории философии, который глубоко и методически обоснованно задумался о структуре бытия и знания как такового, и эта его заслуга, разумеется, намного значительней заслуги деления речи на части. Категории сущности (субстанции), качества, количества, отношения, места, времени, положения, обладания, действия, страдания (претерпевания) образуют бинарную оппозицию, где категория сущности (субстанции) противопоставлена всем остальным (акциденциям) (ср. [Köller 1988, 212-213]). Таким образом Аристотель пытался свести не только мир, но и язык, и знание к их «элементарным» основным формам. Десять категорий или десять когнитивных образцов были созданы и для того, чтобы типологически классифицировать множество наших понятийных образований (ср. [Köller 1988, 212]). Эти десять категорий в течение более двух тысячелетий вплоть до Э. Канта были однозначно признаны, передавались из поколения в поколение и пользовались уважением. Слияние и взаимное определение логических, онтологических и языковых категорий было в творчестве Аристотеля научным фактом, последствия которого до сих пор значимы и в философии, и в филологии. Теория частей речи стала складываться на основе языка с ярко выраженными флективными характеристиками и на фоне определенных философских предпосылок. Самый факт, сколько и какие части речи выделял Аристотель, сам по себе не так уж важен в сравнении с ролью, которую сыграл ученый: он способствовал появлению на свет самой теории частей речи.

Дальнейшее развитие частеречной проблематики разворачивалось на фоне философской дискуссии аномалистов и аналогистов. О философско-стоиках, представлявших первую точку зрения, обычно говорят как о философской школе, поставивших рассмотрение языка в центр своей логической теории. Стоики отрицали язык как прямое отражение окружающей „природы“. Учение стоической грамматики о частях речи восходит к Хрисиппу, который установил пять «элементов предложе

ния»: имя, нарицание, глагол, союз и член [Тронский 1957, 309]. И. М. Тронский в основе системы Хрисиппа видел стоическую систему категорий, сохраненную в сообщениях Плотина и Симпликия. Она состоит из четырех категорий, где каждая последующая уточняет предшествующую. Высшим родовым понятием является «нечто», под которое подводится все сущее и несущее, телесное и бестелесное. Тела разделяются на: 1) субстраты, качественно не определенные; 2) определенные в своем существенном качестве; 3) находящиеся в некоем состоянии, т. е. определенные в своей акциденции, в своем модусе бытия; 4) находящиеся в некоем состоянии по отношению к другому предмету (см. [Тронский 1957, 309]). Однако, не собственно в этом – номенклатуре частей речи и критериях их классификации – мы видим решающее значение стоиков в теории частей речи: стоики предвосхитили появление александрийской грамматики, ставшей канонической „традиционной“ грамматикой на многие последующие века.

Столкновение философии стоиков и филологии александрийцев оценивается как толчок, приведший к появлению, развитию и расцвету научной грамматики (ср. [Borsche 1988, 17]). Это – получившая свою более или менее законченную форму грамматика греческого языка Дионисия Фракийского, первое наиболее объемное и систематическое описание греческого языка. Александрийцы были „аналогистами“, их поиск закономерностей языка привел к установлению флективных „канонов“. Сначала у Аристарха, затем у его ученика Д. Фракийского, мы и находим знакомые нам „священные“ восемь частей речи, которые получили определение при помощи неравномерно распределенных семантических, синтаксических и морфологических признаков. С созданием александрийской грамматики история развития теории частей речи, казалось, достигла того апогея, тех вершин, которые никогда впоследствии (в течение более двадцати столетий!!!) не повторялись: вся последующая история теории частей речи так или иначе была связана с восьмью частями речи древнегреческого языка, предложенными Дионисием; один язык с ярко выраженными признаками флективного типа оказался матрицей для описания многочисленных языков – языков иных типов и иных семей (ср. [Rieser 1980, 42]).

Дальнейшая история частеречной проблематики по сути не предложила ничего существенно нового. Римские грамматисты ревностно продолжали эллинистическую грамматическую традицию: римские аристократы были воодушевлены греческим культурным наследием, их дети воспитывались так, что могли прекрасно владеть устным и письменным греческим языком, все греческое было в моде, древне

греческий язык был для римлян образцовым языком, грамматика Д. Фракийского была образцовой грамматикой. Вырастая, дети римских аристократов неизбежно оказывались под влиянием престижных греческих языковых образцов, им ничего не оставалось как переносить структуры древнегреческого языка переносить на латынь, потому что латинские грамматисты были почти в любом отношении зависимы от их греческих образцов (см. [Lyons 1972, 13]). При рассмотрении частей речи римские ученые только тогда говорили о различиях с греческими, когда эти различия были слишком заметны. Однако черты сходства в типологической характеристике обеих флективных языков способствовали появлению мнения, будто установленные греками грамматические категории – и прежде всего части речи – являются необходимыми и универсальными языковыми категориями.

Эра Э. Доната и Присциана стала классической эрой латинской грамматики. „Ars minor“ и „Ars maior“ Э. Доната, описывающие язык Цицерона и Вергилия, были наиболее значимыми учебниками латыни в Европе вплоть до нового времени. О величайшем значении этих произведений в культурной жизни Европы, свидетельствует хотя бы тот факт, что грамматика латинского языка Э. Доната была первой книгой, напечатанной И. Гутенбергом, она же была первой французской печатной книгой.

Вопрос о пригодности унаследованной от античной т. н. традиционной теории частей речи для современного языкознания, нередко задававшийся во всех фундаментальных исследованиях в известном смысле обречен на утвердительный ответ: „Античная грамматическая традиция описания языка по частям речи и грамматическим категориям („акциденциям“) легла в основу не только европейского языкознания, но и ряда традиций средневекового Востока“ [Бокадорова 1990, 35], „... образцом грамматики любого иностранного языка служили греческие и латинские грамматики или грамматики родного для автора языка“ [Солнцев 1995, 4]. То, что греческие философы и филологи привели человечество к тому, что называется частями речи – очевидная истина. Наблюдательные греки предложили для последующих поколений метод подхода к описанию своего родного языка, однако их последователи переняли именно не метод, а матрицу, схему – восемь частей речи Дионисия (ср. [Glinz 1957, 29-30]). Творческое использование этого метода, глубокое его постижение, критическое отношение к схеме и матрице с обязательным учетом типологических свойств различных языков – насущная задача нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокадорова Н. Ю. Античная языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка. М., 1995.
- Тронский И. М. Учение о частях речи у Аристотеля // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук, 1941. Вып. 7, № 63.
- Тронский И. М. Основы стоической грамматики // Романо-германская филология. Сборник статей в честь академика В. Ф. Шишмарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
- Auroux S. Beauté und die Universalität der Wortarten // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi), 1988. H. 76, 19.
- Borsche T. Quid est? Quot accidunt? Notizen zur Bedeutung und Entstehung des Begriffs der grammatischen Akzidenzien bei Donatus // LiLi, 1988. H. 76, 19.
- Cherubim D. Grammatische Kategorien: das Verhältnis von „traditioneller“ und „moderner“ Sprachwissenschaft. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1976.
- Glinz H. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet. Düsseldorf: Schwann, 1957.
- Köller W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988.
- Lyons J. Einführung in die moderne Linguistik. München: Verlag C. H. Beck, 1972.
- Paul L. Geschichte der Grammatik im Grundriß: Sprachdidaktik als angewandte Erkenntnistheorie und Wissenschaftskritik. Weinheim, Basel: Beltz, 1978.
- Rieser H. Prinzipien und Anspruch einer grammatischen Beschreibung natürlicher Sprachen mit Hilfe formaler Sprachen // Ballweg J., Glinz H. (Hrsg.) Grammatik und Logik. Düsseldorf: Schwann, 1980.
- Robins R. H. The Development of the Word Class System of the European Grammatical Tradition // Foundations of Language 2, 1966.